

полированную поверхность пластинок. Но пока я ехала из ГУМа домой — это была настоящая эйфория.

К диску-гиганту Высоцкого, купленно-му примерно тогда же, этот проигрыватель оказался более милосерден: пластинка до сих пор «в рабочем состоянии». Брат моего отца ездил занимать за ней очередь к пяти утра (доверенные люди сообщили, что должны «выкинуть»), ставил на запястье шариковой ручкой свой порядковый номер — все как полагается.

Гумовские очереди — они, кстати, куда больше обласканы искусством, чем гумовская любовь. В фильме Сергея Урсуляка «Долгое прощание» толкливый, совсем некрасивый, завешенный блеклой рекламой Олимпиады-80 ГУМ — символ той вынужденной приземленности и вообще несвободы, которая приходит почти ко всем после того, как уходит молодость. Впрочем, в повести Юрия Трифонова, по которой фильм снят, он такой же: «Как-то наткнулась в ГУМе в очереди за подушками на Машу, старую подругу. Как Машка изменилась!... Илицом постарела, и вся какая-то ломаная, недобрая.... Потом очередь подошла к прилавку, завертелись в толпе, растерялись, и потом уж Ляля не стала ее искать».

Трифонов вообще ГУМ не любил (в «Обмене», например «В ГУМ, посмотреть, не выбросили ли каких кофточек» бегает меркантильная жена героя, вынуждающая его предать мать в погоне за жилплощадью). Эта нелюбовь объясняется просто — Трифонов не любил вещи. Не только факт дефицита, очереди и толкотню, но и просто сами вещи.

Но были писатели, которые вещи любили. Даже очень.

«Очередь за итальянскими валенками в сонном забытии лепилась вокруг ГУМа, когда со стороны Кремля к ней приблизились два деклассированных элемента в фирменных джинсах, а один долговязый еще и босой. Мало ношенные замшевые туфли были у него связаны шнурками и перекинуты через плечо.

— Мужчина, туфельки не продаете? — вяло поинтересовалась гражданка из города Херсона.

Ей казалось, что она все еще спит. Она спала уже третьи сутки в очереди за итальянскими валенками, которых, кажется, не существовало в природе, и вдруг увидела на фоне исторических зубцов и башен долговязого алкоголика с туфлями замшевыми на плече. Как принц!

— Охотно, мадам! — встрепенулся принц. — Сколько дадите?

Гражданка мечтательно улыбнулась.

— Пятерочку дам молодчику, новенькую пятерочку. Так и не успев проснуться, чтобы поверить в свое счастье, гражданка получила замшевых красавцев, а долговязый элемент весело запрыгал с пятеркой в руках.

— Вухи! Иеху! — вопил он. — Живем!

Весть о немислимой фантастической продаже фирменных замшевых штиблет за пятерку, словно огонек по бикфордову шнуру, бежала вокруг ГУМа.

И вот произошел взрыв. Забыв итальянские валенки, очередь сломалась, преобразилась в толпу, окружила двух инопланетных пришельцев, у которых было что продать по части обуви. Один пришелец, правда, был уже бос, но на втором красовались качественные вельветовые туфлишки. Толпа что-то размахивала руками, что-то выкрикивала, похоже было на стихийный митинг времен Первой русской революции».

Что хорошо в Аксенове, так это то, что никогда-никогда он не пренебрегал материальным. Он и сам был одним из главных модников своего времени, и его персонажи были такими (на замше у главного героя «Ожога» вообще какой-то пунтик, но и вельветовые штиблеты в 1975-м — это был высокий класс). Поэтому Аксенов, наверное, понимал про ГУМ лучше других. В этом отрывке есть все — та самая красота («исторические зубцы и башни») и те самые очереди. А также надежда («валенки» все-таки еще могли «выкинуть») и даже намек на некое, прорезанное где-то там, за гумовскими прилавками, окно в Европу («валенки» все-таки были итальянскими), и бурная, не запретная даже, а скорее параллельная какая-то жизнь, которую ГУМ всегда к себе притягивал.

«В бесконечных продолговатых стеклянных крышах торговых рядов — бледный весенний свет. Вокруг фонтана непрерывное шарканье и шелест. Ни выкриков, ни громкого говора. Но то и дело проходящие фигуры начинают бормотать:

— Куплю доллары, продам доллары.

— Куплю займ, банкноты куплю.

И чаще всего таинственнее, настороженнее:

— Куплю золото. Продам золото...

— Золото... золото... золото... золото...

Золота не видно, золота не слышно, но золото чувствуется в воздухе. Незримое золото где-то тут бьется в крови.

Выныривает в куцей курточке валютчик и начинает волчьим шагом уходить по проходу вбок от фонтана. За ним тащится

другая фигура. В укромном пустом углу у дверей, ведущих к памятнику Минина и Пожарского, остановка.

Из недр куцего пальто словно по волшебству выскакивает золотой диск. Вот оно, золото.

Фигура вертит в руках, озираясь, золотушку с царским портретом.

— Она того... Хорошая?

Кущее пальто презрительно фыркает:

— Здесь не Сухаревка. Я их сам не делаю.

Фигура боязливо озирается, наклоняется и легонько бросает монетку на пол. Мгновенный ясный золотой звон. Золото! Монетка исчезает в кармане пальто. Кущее пальто мнет и пересчитывает дензнаки. Быстро расходятся. И снова непрерывное кружение у фонтана. И шепот, шепот... Золото... золо... зо».

Этот очерк Михаила Булгакова о спекулянтах в ГУМе опубликован в 1923 году, и все представляется довольно мрачным, хоть и в меру таинственным и отчетливо предвещающим сон Никанора Ивановича Босого из «Мастера и Маргариты». Во времена более поздние гумовские спекулянты воспринимались как-то более весело («Самые продвинутые из наших орлов двинули в ГУМ пошукать у фарцы джазуху. И купили за полтора ста тогдашними „старыми“ на рентгеновской пленке до ужаса развратную песню: „Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты“», — вспоминал писатель Александр Мелихов). И даже кривоглазая обманщица, продавшая на ступенях, ведущих к нынешнему «Историческому туалету» героине из «Влюблен по собственному желанию» рваную тряпку вместо модной кофточки, — персонаж, скорее, содействующий влюбленности — по собственному желанию или вопреки ему.

Сейчас в ГУМе, разумеется, нет спекулянтов и фарцовщиков — и их отчасти даже не хватает. Потому что ГУМ всегда был (и до сих пор остается) средоточием самой разной жизни. Местом, где встречалось старое с новым, русское с иностранным, честное с нечестным, дорогое с дешевым, красивое с некрасивым, одни люди с совсем другими людьми. Потому что ГУМ, неизменно попадавший в столь любимые шестидесятниками, да и их наследниками перечисления (у того же Аксенова в «Звездном билете»: «Центр, забытый автомобилями, и полные ветра Лужники, все кинотеатры и рестораны, киностудия „Мосфильм“, Ленинская библиотека и Пушкинский музей, ГУМ»), ГУМ — это и есть Москва.

Из книги «Главный Универсальный Магазин».

М.: ТД «ГУМ», 2013